

О ДИНАМИЧЕСКОМ ХАРАКТЕРЕ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА

Проблема внутренней формы слова относится к числу языковых явлений, содержание которых до сих пор является предметом споров в современной науке о языке. Начиная со времен античности (труды Платона, заложившего основы учения о внутренней форме); работ В. фон Гумбольдта, Г. Г. Шпета, А. А. Потебни до наших современников (В. А. Звегинцева, В. Г. Гака, О. П. Ермаковой, Е. А. Земской, О. И. Блиновой, В. Г. Вариной и многих других, внесших вклад в развитие данной теории), ученые пытаются дать определение внутренней формы слова, раскрыть ее природу и механизмы, установить связь между внутренней формой, этимологией, лексическим значением и мотивированностью слова, определить ее значимость для лингвистических аспектов номинации.

Но уникальность внутренней формы (а именно уникальностью внутренней формы слов объясняется непрекращающийся интерес лингвистов к этому феномену), возможно, и заключается в том, что она служит посто-

янным напоминанием о прошлом слова, а значит о прошлом народа, связанного с ним свои мысли и представления о называемых предметах и явлениях.

Подобно тому, как в культуре каждого народа есть универсальное и специфическое, так и в семантике каждого языка есть отражение и общечеловеческого компонента культуры, и своеобразие национальной культуры конкретного народа. Универсальный компонент культуры связан с единством человеческой психики и ее способностью независимо от образа жизни отражать мир в сходных категориях. Так, например, в любых культурах говорящие нуждаются в различении субъекта действия и его объекта, предмета и признака, отношений, связанных с пространством и временем. Сходство разных культур проявляется и в том, что в передаваемую информацию говорящий включает свое отношение, эмоциональную оценку того, о чем идет речь. Межкультурная общность языков мира обеспечивает возможность перевода с одного языка на другой и составляет основу для взаимопонимания.

Тем не менее в любом языке и даже диалекте есть слова, не имеющие точного эквивалента в других языках, не полностью переводимые на другой язык. Такие различия обусловлены особенностями культуры и способом мышления того или иного народа. Доказанным является тот факт, что в зависимости от культуры в языковом сознании народа мир может по-разному члениться с помощью слов. Так, например, известно, что в результате различной «сегментации» действительности фрагменты лексических систем в разных языках не совпадают. Ср. *рука* – *hand / arm* (англ.), *Hand / Arm* (нем.), *main / bras* (фр.) и т.п.

Во внутренней форме слов в разных языках также проявляется универсальное и специфическое.

Внутренняя форма – это свойство предмета или явления, осознаваемое говорящим как лежащее в основе номинации данного феномена. Она дает объяснение, почему данное содержание облечено в том или ином языке в соответствующее звучание. Язык фиксирует при номинации и объективные признаки явлений действительности, и признаки, которые приписываются предмету фантазией и творческим воображением человека. Так, например, *желток* яйца называется так потому, что он желтый. Гриб *лисичка* получил такое название потому, что он рыжий, т.е. такого же цвета, как лиса. Но в данном случае объективный признак приписан объекту субъективно. Результаты субъективного подхода человека к миру объектов можно увидеть, например, в таких словах, как *нос* (лодки), *подошва* (горы), *копна* (волос), *лес* (рук), *море* (огней), *львиный зев* (название цветка), *лопатки* (на спине) и т.п.

Объективная внутренняя форма нередко полностью или частично совпадает в разных языках: *водопад* (рус.) – *waterfall* (англ.) – *Wasserfall* (нем.) – *chute d'eau* (франц.); *снегопад* (рус.) – *snow-fall* (англ.) – *Schneefall* (нем.); ср. также: *львиный зев* (название цветка) и (нем.) *Löwenmaul* – букв. 'пасть льва'.

Но подход сознания к миру чаще всего субъективен, поэтому совпадение признаков, положенных в основу номинации, может быть, как правило, лишь частичным: *глазное яблоко* (рус.) и *Augapfel* (нем.), но *eyeball* (англ.) – букв. ‘глазной шар’; *подсолнечник* (рус.) – *sunflower* (англ.) – *Sonnenblume* (нем.) – букв. ‘солнечный цветок’ – *tournesol* (фр.) ‘повернутый к солнцу’; *подснежник* (рус.) – *snowdrop* (англ.) ‘снежная капля’ – *Schneeglöckchen* (нем.) ‘снежный колокольчик’ – *perce-neige* (фр.) ‘пробивающийся сквозь снег’.

Поскольку выбор свойства для номинации чаще всего бывает субъективен, одни и те же предметы в разных языках могут называться по их разным свойствам, и, таким образом, выявляется идиоэтнический компонент субъективной внутренней формы: ср. англ. *dog-collar* ‘собачий воротник’ – рус. *ошейник*; англ. *Big Wheel* ‘большое колесо’ или *ferrous wheel* ‘железное колесо’ – рус. *колесо обозрения*; англ. *red breast* ‘красная грудь’ – рус. *малиновка*, англ. *cleaning woman* ‘убирающая женщина’ – рус. *домработница*, англ. *climbing boy* ‘поднимающийся мальчик’ – рус. *трубочист* и др. Эти примеры показывают, как одно и то же понятие осмысливается народами с разных сторон. Активизация понятия связана со многими факторами лингвистического и экстралингвистического порядка – индивидуальным опытом человека, влиянием конкретных условий ситуации, особенностями языковой системы, а также носит в значительной степени случайный характер. Главной же причиной своеобразия языковых картин мира является, однако, специфика номинативной деятельности человека, универсальной в своих процессуальных аспектах и диалектически противоречивой при выборе свойств и признаков, которые могут быть положены в основу наименования.

Каждое слово при своем возникновении нуждается в опоре на другое, уже существующее слово, заключает в себе внутреннюю форму (мотивировку) нового названия. Но если первоначально внутренняя форма, т.е. признак предмета, положенного в основу названия, составляет довольно существенную часть значения, то затем она может заметно расходиться со значением или вовсе утрачиваться, забываться. Например, употребляя слова *рукавица*, *перчатка*, *варежка*, мы совсем не замечаем того, что у первого из них мотивировка прозрачна, у второго – затемнена, скрыта (перчатка от слова *перст*, т.е. палец), у третьего вовсе утрачена. Точно так же человек не замечает внутренней противоречивости выражений *красные чернила* и *голубое белье* (хотя изначально *чернила* были *черными*, а *белье* *белым*).

В процессе функционирования мотивированность лексических единиц может изменяться, полностью или частично исчезать. Причины потери мотивации, или демотивации лексических единиц, различны: это фонетические изменения, потеря признака, по которому был назван предмет, утрата или изменение значения мотивирующей единицы вплоть до полного выхода ее из употребления и т. д.

Если признак, по которому дано то или иное название не вскрывается, то объяснение значений некоторых наименований может быть затруднено. Так, существуют названия, которые изначально относились к ландшафтным

особенностям, таким как река или холм, но исчезнувшим к нашему времени. Например, в названии города *Whichford* или *Watford* присутствует элемент *ford*, означающий реку, но местоположение реки давно не известно.

Действие внеязыковых и языковых факторов можно проследить на примере трансформаций топонимических структур (фонетической, морфологической, синтаксической и семантической). Трансформация проявляется в таких изменениях, как утрата, добавление, замещение элементов номинаций, либо комбинации этих изменений, например: утрата фонем *Denestone* → *Denstone*, утрата морфем *Simplingham* → *Shimpling*, утрата лексем *La Rededich* → *Redditch*, добавление морфем *Dolling* → *Dollingstone*, добавление лексем *Garvellan* → *Garvellan Rocks*; замена фонем *Dodinctan* → *Diddington*, замена морфем *Gravesham* → *Gravesend*, замена лексем *King's* → *Queensferry*. В процессе своего исторического развития топоним может также претерпевать как добавление, так и утрату: *Berwardeston* → *Burnstounnes* → *Borrowstonness* → *Bo'ness*.

Как видим, многие формы и значения топонимов были искажены или утеряны по прошествии лет из-за изменений, произошедших в языке и культуре и приведших к исчезновению многих первоначальных названий.

Правомерно предположить, что без первоначальной мотивированности словесные знаки возникнуть не могут – внутренняя форма хотя бы исторически присуща любой лексической единице, но генетически не может сохраняться в слове, и в процессе своей эволюции в силу различных причин тенденция к произвольности языкового знака расшатывает былую мотивированность лексической единицы. С диахронической точки зрения, превращение мотивированного знака в немотивированный представляет собой процесс качественного преобразования языковой единицы. Он может быть представлен в виде некой цепи трансформаций определенных языковых состояний, последовательно сменяющих друг друга на оси непрерывного развития языкового знака.